

Пусть Линь Цзунцзе и шагал впереди, во всём его облике сквозила неистребимая, виноватая покорность. Он был вылитый подкаблучник, которого благоверная застукала в кабаке за картами, оттащила за уши и теперь тащит домой — а тот бредёт следом, уныло повесив голову.

Завидев эту парочку, Сун Чэн уже открыл было рот, но вовремя обернулся и наткнулся на упреждающий взгляд Хань Линя. На лице учебного старосты крупным шрифтом читалось однозначное: «Идёт урок. Молчи».

Сун Чэн был парнем на редкость компанейским и шумным — высокий, громогласный, настоящий генератор хаоса. Учился он сносно, но для элитного девятого класса его успехи выглядели блекло. Сорвать дисциплину, заболтаться посреди урока, подговорить соседа сыграть партейку в крестики-нолики прямо в тетради — за ним тянулся такой шлейф мелких проступков, что до появления Линь Цзунцзе именно Сун Чэн удерживал звание главного школьного хулигана.

Вообще-то, сидеть перед Хань Линем он не должен был. По результатам экзаменов его законное место находилось на самой галёрке. Но классный руководитель то и дело получал жалобы от разгневанных родителей: стоило посадить Сун Чэна с их чадом, как оценки несчастного ребёнка стремительно катились по наклонной.

В итоге Сун Чэна, как несносный балласт, пинали от парты к парте. Хань Линь обычно уступчивостью не отличался, но порой у него случались приступы необъяснимого великодушия. Зная об этом, классный руководитель при любой неразрешимой проблеме бежал за помощью именно к нему.

— Хань Линь, мальчик он в общем-то неплохой, — заискивающе начинал классный руководитель, — но вот родители других ребят категорически против такого соседства. Как думаешь, может...

— Пусть садится со мной, — спокойно соглашался Хань Линь.

Классному руководителю только это и нужно было. Избавившись от головной боли, он вздохнул с облегчением. Сам же Сун Чэн поначалу радостно тащил свои вещи к парте обожаемого учебного старосты, хорохорясь и заявляя: «Я заставлю его потесниться на пьедестале лучшего ученика параллели!» Но не прошло и трёх дней, как бунтарь буквально взмолился о пощаде.

— Учитель Ян, умоляю, отсадите меня! Клянусь, я больше слова на уроках не скажу, мешать никому не буду! Но сидеть с учебным старостой больше не могу... Умоляю, дайте мне шанс остаться человеком!

Учитель Ян отличался мягким характером и отходчивостью. Увидев, что парень искренне раскаивается и готов встать на путь исправления, он с радостью пошёл навстречу. Никто так и не узнал, какими методами Хань Линь усмирил главного смутьяна, но с тех пор вера в то, что образцовый учебный староста способен решить любую, даже самую безнадежную проблему в классе, укрепилась окончательно.

В итоге Сун Чэна пересадили на парту прямо перед Хань Линем. Психологическая травма оказалась настолько глубокой, что нарушать дисциплину под бдительным взглядом учебного старосты он больше не решался.

Линь Цзунцзе, изнывая от скуки, едва уселся на место, как сразу вознамерился пнуть стул Сун Чэна и спросить, нет ли у того чего-нибудь перекусить.

Однако не успел он вытянуть свои длинные ноги, как Хань Линь перехватил движение, заблокировав его голень своей стопой.

— Сиди смирно, — негромко скомандовал Хань Линь. — Открывай учебник.

— Пить хочу, — буркнул Линь Цзунцзе.

— Сейчас принесу.

Даже не успев толком устроиться за партой, Хань Линь вытащил термос из бокового кармана рюкзака Линь Цзунцзе и направился к кулеру у доски. Смешав кипяток с холодной водой в идеальной пропорции, он вернулся и протянул бутылку обратно. Ощутив ладонями приятное тепло, Линь Цзунцзе опешил.

Заметив его изумление, Хань Линь ровным голосом поинтересовался:

— Что не так?

— Я...

Хань Линь прикоснулся к стенке термоса пальцами. На его лице отразилось искреннее недоумение:

— Разве температура не идеальная?

— Я хотел холодной, — Линь Цзунцзе с наигранным пренебрежением водрузил бутылку на парту и понизил голос до шёпота: — Ты вообще видел, чтобы нормальные парни в такую жару пили тёплую воду?

— Я пью, — отрезал Хань Линь.

—...

— К тому же у тебя нога болит. Тёплая вода полезна для связок.

— Тёплая вода лечит растяжение? — фыркнул Линь Цзунцзе. — С каких это пор?

— С таких. Она вообще от всех болезней помогает.

— Слышал я, что от всех болезней только сумки помогают. Так что лучше бы ты мне сумку подарил, а не эту бурду тёплую совал.

«Сумку?» — Хань Линь озадаченно склонил голову набок, призадумавшись. Но стоило ему потянуться к собственному потрёпанному рюкзаку, как Линь Цзунцзе молниеносно перехватил его руку, прижав пальцы к парте.

«Мать твоя... Он это серьёзно? Издевается или реально не понимает шуток? Неужели слухи правдивы, и у этого гения IQ за двести, а эмоциональный интеллект — абсолютный ноль?»

Подавив нервный тик, Линь Цзунцзе со смесью ужаса и благоговения спросил:

— Только не говори, что ты собрался отдать мне этот свой холщовый мешок.

— Это не мешок, я купил его перед самым началом семестра, — совершенно серьёзно ответил Хань Линь. — Считай это компенсацией за лечение. Раз уж сумки помогают от всего — держи.

Линь Цзунцзе лишился дара речи.

Скажи такое кто-нибудь другой, Линь Цзунцзе не раздумывая прописал бы шутнику хорошего леща, да так, чтобы у того навсегда отпало желание паясничать. Но перед ним сидел Хань Линь. Тот самый Хань Линь с мягкими, слегка растрёпанными волосами, которые так и подмывало взъерошить.

Пальцы Хань Линя всё ещё лежали на рюкзаке, а ладонь Линь Цзунцзе накрывала его руку сверху.

Хотя в последнее время он только и думал о том, как бы коснуться Хань Линя, взять его за руку или потрепать по макушке, фантазии оставались лишь фантазиями. Линь Цзунцзе дорожил остатками репутации и вовсе не горел желанием прослыть в глазах учебного старосты озабоченным извращенцем.

И вот, когда случай подвернулся сам собой — без лишних подозрений, максимально естественно, — сработало извечное воровское малодушие. Линь Цзунцзе даже не успел толком прочувствовать тепло чужой кожи, как испуганно отдернул руку, будто обжёгся.

Разумеется, дарить рюкзак Хань Линь не собирался — это была его обычная, слегка сухая шутка, просто дружеский подкол. Он и подумать не мог, что соседа так перекосит.

Хань Линь молча наблюдал, как Линь Цзунцзе судорожно отворачивается к парте. Пытаясь достать учебник, тот с размаху приложился пальцами о край стола, выронил книгу на пол, нагнулся поднять её и со всего маху врезался лбом в столешницу.

Раздалась череда глухих ударов, увенчанная жалобным стоном.

Хань Линь созерцал это самобичевание с невозмутимым видом. Наблюдать за тем, как грозный школьный авторитет калечит сам себя на ровном месте, а потом с независимым лицом раскрывает учебник, делая вид, что погружён в науку, было невыносимо смешно.

Покачав головой, Хань Линь вернулся к своим тетрадам.

Обычно невероятно проницательный, в этот раз он так и не заметил, что уши Линь Цзунцзе пылали пунцовым цветом.

— Надеюсь, сегодня вечером мне не придётся снова провожать тебя?

Линь Цзунцзе на удивление тихо просидел весь учебный день. Он не проронил ни слова, но и к занятиям не прикоснулся. За то время, пока прилежный Хань Линь успел решить три сложных варианта по математике, его сосед лишь сидел, подперев подбородок рукой, и круглыми глазами гипнотизировал одну и ту же страницу. Шесть уроков подряд.

«М-да... Какая бессмысленная трата времени. За эти часы можно было выучить как минимум полсотни новых слов».

Услышав голос учебного старосты, Линь Цзунцзе скосил на него взгляд:

— Когда ты вчера прогулял вечернюю самоподготовку, тебя что-то не особо волновало, нужно меня провожать или нет.

Хань Линь промолчал.

— Где ты был вчера вечером? — требовательно спросил Линь Цзунцзе.

В ответ снова тишина.

— Я тебя спрашиваю. Из-за тебя я остался без домашней работы. Думаешь, прислал эсэмэску — и взятки гладки?

Мало того что отделался текстовым сообщением, так ещё и телефон сразу после этого выключил. Редкое свинство, честное слово.

Хань Линь лишь пожал плечами:

— Возникли дела, освободился поздно. Вообще не планировал возвращаться, даже такси до дома взял. Но потом вспомнил, что ты остался без домашней работы, и приехал в школу. Думал, ты дождёшься меня, но кто же знал, что с уроков ты сбегаешь куда быстрее, чем на них приходишь.

— Президент, я домой. До завтра! — Наспех дописав последнее предложение в школьном сочинении, Сун Чэн даже не потрудился потянуться. Он лихорадочно запихал учебники в рюкзак, сорвался с места и на бегу отвесил низкий поклон Линь Цзунцзе, после чего козырнул старосте: — До свидания, учебный староста!

Линь Цзунцзе закинул ногу на ногу и откинулся на спинку стула. Провожая взглядом уносящегося Сун Чэна, он даже без подсказки понимал: в классе они остались одни.

Разумеется, оправдания Хань Линя его не устроили.

— То есть теперь я же и виноват, что ушёл слишком рано?

— А кто виноват, что ты сам не делаешь домашку? Мне ещё и за эсэмэску выговаривают?

— Зачем тогда мобильник отключил?

— Я всегда выключаю телефон перед сном.

— А уроки? Ты поехал домой, передумал, вернулся в школу, переписал задания и снова поехал домой... Это же глубокая ночь была! Ты завалился спать без готовой домашки? — Линь Цзунцзе от избытка чувств зажестичулировал.

Хань Линь посмотрел на его размахивания руками и слегка нахмурился:

— Я действительно заезжал в класс за списком заданий. Но когда переписал их, понял, что всю эту программу прошёл ещё месяц назад. Так что дома я сразу лёг спать. С этим какие-то проблемы?

Линь Цзунцзе поперхнулся.

О том, что этот заучка вечно опережает школьную программу, Линь Цзунцзе, конечно, знал. Его воинственный пыл мгновенно угас, застыв нелепой маской на лице. Повращав глазами, он упрямо зашёл с другого бока:

— Ладно. А что за личные дела у тебя были вчера?

— А тебя это касается?

Спокойный, прохладный тон Хань Линя начисто лишил Линь Цзунцзе аргументов. Злиться было глупо: действительно, какое ему дело? Хань Линь волен идти куда угодно и заниматься чем хочет, он не обязан перед ним отчитываться.

То, что учебный староста вообще не поленился приехать в школу ради списка домашних заданий и скинуть ему СМС, уже было неслыханной щедростью.

А он, Линь Цзунцзе, ведёт себя как сварливая мамаша, контролирующая каждый шаг своего ненаглядного чада.

«Чёрт. С чего вообще его так переклинило?»

Проглотив рвущиеся наружу слова, Линь Цзунцзе ожёг соседа хмурым взглядом, сгрёб рюкзак и молча направился к выходу из кабинета.

Хань Линь проводил его горделивую, прямую спину недоумённым взглядом.

— Ты куда? — спросил он вдогонку.

— А тебя это касается? — буркнул Линь Цзунцзе, не оборачиваясь.

Хань Линь лишь вздохнул.

«И какая муха укусила этого капризного барина на сей раз?»

<http://bllate.org/book/18229/1752834>